

Пашкович Е. И.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА В 1920-Е ГОДЫ: АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО, ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

В статье рассматривается административная система, которая выстраивалась на селе после присоединения Западной Беларуси к Польше. Внимание уделяется наиболее распространенным типам сельских поселений в Полесском воеводстве. На основании результатов переписи 1919 г. и 1921 г. проводится анализ демографического состояния и этноконфессиональной структуры сельских поселений.

Ключевые слова: Западная Беларусь, Полесское воеводство, демография, сельские поселения, национальная политика.

Введение

По условиям Рижского мирного договора 1921 г. большая часть территории современной Брестской области вошла в состав Полесского воеводства Польской республики. Последующие 20 лет здесь будут проходить значительные трансформации политических, социально-экономических и культурных условий жизни местного населения, преобладающее большинство которого проживало в сельской местности. Особенно динамичными эти процессы будут в 1920-х годах – период послевоенного хозяйственного и демографического восстановления и создания на этих территориях административно-территориальной системы.

История сельских поселений в 1920-е – 1930-е гг. вызывает научный интерес в рамках изучения истории Западной Беларуси в указанный период. Прежде всего изучается вопрос социально-экономической ситуации на селе и аграрных преобразований (парцелляция, комасация, ликвидация сервитутов), которые были предприняты польской администрацией. В этом направлении проводят специальные научные исследования такие белорусские историки, как Гресь С. М. и Гарматный В. П. Второй наиболее часто поднимаемый вопрос, как в современной белорусской, так и польской историографии – национальная структура населения и деятельность этноконфессиональных общностей на западнобелорусских территориях в межвоенный период. Результаты исследований отражены в нескольких монографиях, диссертациях, коллективных работах (Вабищевич А. Н., Загидулин А. Н., Лисовская Т. В., Свирид А. Н., Самосюк Н. В., Швайко В. Г., Пашкович Е. И. и др.). Исследование Борка А. И. посвящено системе управления и самоуправления в Западной Беларуси [2]. В 2020 г. вышла комплексная работа, посвященная этнокультурным процессам Западного Полесья, подготовленная Центром исследования белорусской культуры, языка и литературы при Институте этнографии и фольклора имени К. Крапивы НАН Беларуси [8]. В 2010–2015 гг. на кафедре всеобщей истории БрГУ имени А.С. Пушкина реализовывалась инициативная НИР «Эволюция городов и сельских поселений Брестчины в XIX–XX вв.» (№ ГР 20103064 от 29.11.2010). Но многие вопросы ещё ждут своего специального изучения, в том числе динамика типов поселений, демографического состава сельского населения в регионе в 20-е – 30-е гг. XX в.

Основная часть

Административно-территориальное устройство и типы поселений

Одной из первостепенных задач после присоединения этих территорий к польскому государству было включение их в систему административно-территориального управления, которая предусматривала два уровня: 1) государственное управление – правительственную администрацию и 2) самоуправление. Для осуществления общего управления вся территория была поделена на воеводства, поветы, городские и сельские гмины. Главой воеводства назначался воевода, в поветы – поветовый и городской старосты. В городских и сельских гминах не существовало органов общего государственного управления, эту функцию выполняли органы территориального самоуправления [1, с. 457].

Нижайшей административно-территориальной единицей была *громада*, которая создавалась в каждом населенном пункте. Громада являлась хозяйственным субъектом и владела собственностью. Органом власти в громаде являлось собрание (*рада*), на котором избирались солтыс и его заместитель. Солтыс подчинялся властям гмины, в состав которой входила громада. *Гмина*, как самостоятельная административно-территориальная единица, владела всеми юридическими правами и состояла из одного или нескольких населенных пунктов. Членами гмины являлись жители, которые имели польское гражданство и проживали на ее территории не менее месяца. Распорядительным органом гмины являлась *гминная рада*, члены которой назывались *радными*, а исполнительным органом власти – *гминное управление* во главе с *войтом*. В функции *гминного управления* входила разработка бюджета, сдача в аренду недвижимости, наблюдение за состоянием дорог, сбор налогов и штрафов, регистрация военнообязанных и др. [2, с. 48].

В свою очередь сельские гмины входили в состав *повета*. *Поветовая администрация* называлась *староством*, которое подчинялось *Полесскому воеводскому управлению*. Во главе *поветовой администрации* стоял *староста*, который являлся представителем государственной власти в повете, назначался министром внутренних дел и был подчинён воеводе. На территории повета *староста* владел широкими полномочиями. В его компетенции входили все вопросы государственной администрации, за исключением дел, которые были переданы органам самоуправления, а также военной, судебной, школьной, железнодорожной, почтово-телеграфной администрациям, которые осуществлялись с согласия *старосты* [2, с. 61]. *Староста* должен был следить за состоянием общественной безопасности в повете, поэтому ему подчинялась *поветовая полиция* во главе с *поветовым комендантом*. Свои функции *поветовый комендант* исполнял с помощью подчиненных ему комиссаров полиции и участковых.

Для осуществления самоуправления в каждом повете создавался коммунальный союз, который в 1933 г. был заменен поветовым союзом самоуправления. В компетенции поветового коммунального союза входил надзор за строительством дорог, поддержка сельского хозяйства, торговли, промышленности, выполнение социальной опеки и здравоохранения, в т.ч. содержание больниц, поддержка просвещения, благотворительность. Органами управления поветового коммунального союза являлся *поветовый сеймик*, *поветовый отдел*, *поветовый староста* [2, с. 73].

Полесское воеводство было разделено на 9 поветов (в том числе *Камень-Каширский* и *Сарненский*), на территории которых размещалось 118 гмин. По данным переписи населения 1921 г. на этой территории насчитывалось

3 186 поселений. 171 поселение определялось как разрушенное во время войны и незаселенное. В большинстве своем это были небольшие по числу жителей и количеству строений поселения. Но среди уничтоженных населенных пунктов были и 4 деревни (Подблотин Брестского повета, Бородичи Кобринского повета, Яцы и Клетки Пружанского повета). Больше всего разрушенных во время военных действий и невосстановленных к 1921 г. населенных пунктов насчитывалось в Брестском повете – 51 поселение (в том числе 14 в гмине Малорита и 9 в гмине Медно). В Кобринском повете было учтено 29 таких поселений, 12 из которых – в гмине Блоты; в Лунинецком – 22, из них 9 – в гмине Лунин; в Пинском – 21; в Коссовском – 20; в Пружанском – 17; значительно меньше – 5 поселений – в Дрогичинском повете [10].

Среди самых распространенных типов сельских поселений в Полесском воеводстве были деревня, колония, осада, фольварк. Из существовавших в 1921 г. 3 186 поселений было 1 649 деревень, 655 фольварков, 312 колоний, 326 осад, 13 хуторов и 231 населенный пункт иного типа – лесная осада, фабричная осада, военная осада, лесопильня, железнодорожная станция [10].

Колонией называли группу хозяйств, организованных на разделенных частновладельческих землях. Большое число колоний в начале 1920-х гг. было характерно для Лунинецкого повета – 81 поселение. 60 колоний размещались в Кобринском повете, 46 – в Брестском повете. Обращает внимание тот факт, что в одной только Одрижинской гмине Дрогичинского повета насчитывалось 32 колонии. Как правило, в колониях проживало от 2 до 7 десятков человек, но были и более крупные по числу жителей. Прежде всего это было характерно для Лунинецкого повета: Огоревичи (174 двора, 980 жителей), Мерлинские Хутора (135 дворов, 934 жителя), Куково (9 631 житель), Черebasовка (615 жителей), Раховичи (549 жителей), Борсуковка (537 жителей), Передел (437 жителей) и др. Большие колонии были в Дрогичинском повете: Подыще (188 чел.), Вивнево (171 чел.), Опадыще (156 чел.). К числу крупных по числу жителей колонией в Брестском повете можно отнести Александрово, где проживало 424 человека. Но самыми большими колониями не только в повете, но и во воеводстве были Нейбров (1 381 человек) и Нейдров (1 258 человек) Домачевской гмины [10].

Осадой называли малое поселение, состоящее из одного или нескольких хозяйств, размещавшееся вблизи деревни. Согласно данным переписи 1921 г. самое большое число осад в Полесском воеводстве размещалось в Лунинецком повете – 118, в т.ч. 25 – в гмине Хотыничи. В Кобринском повете было учтено 64 осады, в т.ч. 20 – в гмине Подлесье, в Брестском – 40, в т.ч. 20 – в гмине Великорита [10].

Со второй половины 1920-х гг. наблюдалось увеличение числа осад за счет военных поселенцев из центральных регионов Польши, которым здесь предоставляли во владение землю для организации на ней сельских хозяйств. В 1931–1932 гг. в Полесском регионе поселились 1 133 осадника – 13,6% от общего числа на т.н. Крэсах, которые получили 27 712 га земли. Большинство военных осад на 1931–1935 гг. размещалось в Брестском, Дрогичинском, Пинском, Пружанском поветах [12, s. 105].

Фольварком считалось обособленное хозяйство, как правило, принадлежащее одному или нескольким владельцам. Больше всего фольварков насчитывалось в Кобринском (146), Брестском (120), Лунинецком (111), Пружанском (97)

поветах [10]. Большинство из них, как самостоятельные населенные пункты, на сегодняшний день уже не существуют или изменили свой статус.

Большие по количеству дворов и числу жителей деревни были в Лунинецком повете. Прежде всего это было характерно для гмины Хорск. Так, например, в деревне Лядцы проживало 1 063 человек, Семигостичах – 1 025, Ольшанах – 1 962, а в деревне Рубель – 2 858 человек. В этом же повете большими деревнями были Плотница (375 дворов, 2 080 жителей), Стахов (360 дворов, 1 849 жителей), Белогуша (345 дворов, 2 229 жителей) [10]. Это были самые крупные деревни в воеводстве, по числу жителей превышающие многие полесские местечки.

Демографическая ситуация

В годы Первой мировой войны и до середины 1920-х гг. на землях Полесского воеводства произошли серьезные демографические изменения. Высокая смертность, эвакуация на восток, вывоз немцами местных жителей на принудительные работы в Германию привели к тому, что многие населенные пункты обезлюдели.

Начало 1920-х гг. характеризуется стремительным ростом численности населения Полесского воеводства за счет прежде всего массового возвращения беженцев. Наибольший показатель репатриантов отмечался в Брестском повете (31,3 % относительно числа репатриантов в воеводстве), а относительно местного населения – в Пружанском и Кобринском поветах (43,3 % и 42,4 % соответственно) [6].

Для Полесья был наибольший в Польше показатель естественного прироста – 19 человек при среднем в стране 15,8 человек на 100 жителей. Рост численности населения в 1921–1931 гг. в гминах достигал от 22 до 126 %. Это отражалось на структуре населения, в которой доминировали молодые люди. Наибольшую группу в 1931 г. представляли люди в возрасте от 0 до 9 лет – 29,8 %, дети и подростки в возрасте до 16 лет составляли 40 % и это был самый большой показатель среди северо-западных воеводств, что свидетельствует о положительной динамике рождаемости в воеводстве. Население в трудоспособном возрасте (с 17 до 59 лет) составляло 53 % [5, с. 238].

Высокий уровень естественного прироста населения Полесского воеводства был характерен лишь для сельской местности. Прирост населения в городах и местечках Полесья был самым низким в восточных регионах Польши. Показатели естественного прироста населения в Полесском воеводстве не распространялись равномерно среди отдельных религиозных и национальных групп, наибольшие показатели были в православной среде – 19,4 %, затем у католиков – 17 % и последователей иудаизма – 14 % [9, 11].

Низкий уровень системы здравоохранения и материального благосостояния, антисанитарные условия труда и быта были причинами высокой смертности. Например, в Дрогичинском повете этот показатель составлял 68,7 чел. на 1 000 чел., а средняя продолжительность жизни – 49 лет [4, с. 115].

Для Полесья был характерен низкий уровень плотности населения – 31 человек на км² [5, с. 237]. Однако, при этом необходимо принимать во внимание наличие большой площади земли, непригодной для обработки (леса, болота и т. п.). На самом деле полесская деревня была очень переселена, а неразвитость промышленности не позволяла городам принимать сельское население.

Этноконфессиональный состав населения

Для этнического состава сельского населения Полесского воеводства была характерна полиэтничность и выраженное превалирование региональной

(локально-территориальной) идентичности над этнической. Существование на территории Западного Полесья множества этнолокальных групп в начале XX в. хорошо описал этнограф И. А. Сербов: «... Все полешуки, хотя бы они жили и в других селениях, прозываются по имени центрального пункта своей общины. Поэтому на Полесье всем известны: денискоўцы, макоўцы, малкоўцы, бостынцы, дятелоўцы, бороўчане, бродничане, вичинцы, городчане и лахвинцы» [8].

Первая послевоенная перепись была проведена польскими властями в 1919 г. Перепись показала, как и прежде, явное доминирование на Полесье православного населения (72,9 %). Католики по численности уступали православным и составляли 11,25 %. Традиционно большую группу населения, прежде всего в городах и местечках и значительно в меньшей степени в сельской местности, составляли иудеи (15,4 %) [7, с. 76–77]. Показания конфессиональной принадлежности коррелировали с национальностью. Католики в большинстве своём отождествляли себя с польской национальностью, православные христиане указывали либо на белорусскую национальность, либо подчеркивали свою «тутэйшость», а верующие, которые исповедовали иудаизм, декларировали свою принадлежность к еврейской национальности. Однако, результаты переписи 1919 г. показывали лишь некоторые тенденции распределения конкретных национальностей, а не фактическую ситуацию в регионе, так как значительная часть населения ещё не вернулась из эвакуации и беженства.

Основной вопрос переписи в 1921 г. был напрямую связан с национальностью. В восточных регионах Польши особенно в Полесском воеводстве, это вызвало множество трудностей. У значительной части населения были очевидные проблемы с определением их национальности. В некоторых случаях это приводило к идентификации национальности с государственной принадлежностью и в итоге к завышенной информации о количестве польского населения. Нельзя не брать во внимание факт воздействия на итоги переписи польских чиновников, в результате чего искусственно была занижена численность белорусского и русского населения, и завышено число поляков.

Перепись 1921 г. показала, что в Полесском воеводстве (без учёта Камень-Каширского и Сарненского поветов) 59,5 % жителей заявили о своей национальности как белорусской, 27,1 % – польской, русской – 0,5 %, евреи – 11,1 %, другие – 1,8 % [7, с. 87]. 10 833 человека или 1,6 % от общей численности населения этих территорий были отнесены к русинам. Больше всего «русинов» по данным переписи проживало в Дрогичиснском повете в гминах Бездеж (деревни Лядовичи, Ополь, Вавалучи, Тулятичи), Дружиловичи (деревни Дружиловичи, Новолучки), Одрижин (деревня Глинно) и Кобринском повете в гминах Антополь, Городец, Мокраны (деревня Борки – 570 чел.), Борки, Рогожна. В гмине Лахва Лунинецкого повета было зафиксировано 1547 русинов. В Брестском повете русины проживали в гминах Домачево, Мотыкалы, Олтуш, Ратайчицы, Верховичи, Турна (деревня Хмелево – 378 чел.) [10].

Что касается конфессиональной принадлежности, то 77,8 % считали себя православными, 13,8 % – приверженцами иудаизма, 7,9 % – католиками, а 0,5 % населения были представителями иных религий [7, с. 89].

Согласно данным переписи 1921 г. большинство деревень в Полесском воеводстве по составу населения являлись православными. К деревням с преобладающим католическим населением можно отнести такие, как Пелище (525 католиков из 786 жителей), Богдюки (246 из 312), Турна (329 из 420),

Лесная (162 из 242), Лешанка (163 из 195) Брестского повета; Бошня (150 из 152) Дрогичинского повета, Митковичи (100 % жителей – 203 человека – католики), Малые Островичи (все 178 жителей – католики), Осово (223 католика из 345 жителей) Лунинецкого повета; Городище (432 католика и 131 православный житель) Пинского повета; Сегневичи (424 католика из 468 жителей) Пружанского повета. Ярким примером деревень с поликонфессиональным составом могут быть Радзиловичи Лунинецкого повета, где в 1921 г. проживало 37 католиков, 816 православных, 10 протестантов, 44 иудея. В деревне Великое Село Пружанского повета 365 жителей были католиками, 244 – православными, 21 – иудеями. В деревне Святая Воля Коссовского повета 377 жителей были православного вероисповедания, 52 – католики, 183 – иудеи. Из 594 жителей деревни Замосты Брестского повета 305 жителей были иудеями, 290 – православными, 82 – католиками. В деревне Чернавчицы Брестского повета из 749 жителей 138 были католиками, а 428 – иудеями.

Таким образом, евреи проживали не только в местечках, но и в деревнях. Для Полесского воеводства не было редкостью, когда среди жителей деревни было 10–20 иудеев. Как правило, это были крупные деревни или расположенные вблизи местечек или городов. К деревням с большим числом иудеев можно отнести такие, как Лядовичи (75 чел.) и Симоновичи (83 чел.) Дрогичинского повета, Черняны Брестского повета (105 чел.), Бежево (101 чел.) Лунинецкого повета. А в деревне Якубово (гмина Вороцевичи) Дрогичинского повета иудеями являлись 155 человек из 177 жителей. В Ружанской гмине Коссовского повета размещалось две крупных колонии, жителями которых были только иудеи: Константиново (228 чел.), Павлово (301 чел.). Тоже было характерно и для колоний Абрамово (97 жителей) и Сарово (47 жителей) Брестского повета [10]. Уже упомянутые выше колонии Нейбров и Нейдорф Брестского повета являлись крупными голландскими поселениями. Согласно официальной статистике, в 1921 г. в Нейброве насчитывалось 233 двора, а население колонии составляло 1 381 человек, в т.ч. 1 163 жителя евангелического вероисповедания (лютеране) [10]. В Нейдорфе было 228 жилых домов, 1 252 жителя, из которых 732 лютеранина. История т.н. «бужских голендров» является одной из интереснейших и малоизученных страниц в истории Домачевского региона. Это были немецкоязычные поселения, жителями которых были потомками по одной из версий выходцев из Прусского княжества, по другой – из Вюртемберга, по третьей – голландцев с низовья Вислы. Так или иначе, очевиднее всего в период со второй половины XVI в. (1564 г.) по начало XVII в. (1617 г.) были основаны эти два поселения по правому берегу р. Буг – Нейдорф и Нейбров [3].

Обращает на себя внимание существенное расхождение результатов переписи между такими категориями населения, как «православные» и «беларусы». Очень частыми были случаи отнесения православных жителей деревень к польской национальности. Только по Брестскому повету можно привести много таких примеров. Так, из 400 жителей православного вероисповедания в деревне Дмитровичи 391 был записан как «поляк». Все 123 православных жителя деревни Рожковка были отнесены к польской национальности. В деревне Дубок (гмина Приборово) все 270 православных жителя были записаны как «поляки». В деревне Кустычи (гмина Ротайчицы) все 222 жителя православного вероисповедания были отнесены к полякам. Абсолютное большинство жителей уже упомянутых колоний Нейбров и Нейдорф было отнесено к польской национальности [11]. Часто к полякам причисляли и иудеев.

Заклучение

Традиционная модель общества в сочетании с локальной самоидентичностью и низким национальным самосознанием создали специфический характер сельского населения Полесского воеводства. Местные власти пытались использовать эти недостатки в проводимой в регионе национальной политике, направленной на национально-культурную ассимиляцию и полонизацию. Однако такие характерные для Полесья признаки, как периферийность, труднодоступная местность, низкий уровень урбанизации, удаленность от крупных научных, культурных и образовательных центров в какой-то мере замедляли осуществление ассимиляционных процессов. С одной стороны, традиционализм, регионализм, локальная замкнутость, приверженность местным обычаям способствовали сохранению белорусами-полешуками своей самобытности. С другой, при недостаточном государственном финансировании, Полесье по-прежнему оставалось аграрным и экономически отсталым регионом.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бардах, Ю. История государства и права Польши: [пер. с польского] / Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак [предисл. З. М. Черниловского]. – М. : Юридическая литература, 1980. – 559 с.
2. Борка, А. І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) : манаграфія / А. І. Борка. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 139 с.
3. Пачкаев, Н. Евангелическо-лютеранская община / Н. Пачкаев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.domachevo.com/historu-luterane-ru.htm>. – Дата доступа : 08.04.2020.
4. Памяць: Іванаўскі раён: гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал. : Р. Р. Бысюк [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1997.
5. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. – Кн. 1 / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 593 с.
6. Статистические сведения о количестве репатриированного населения // Государственный архив Брестской области. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 2001. – Л. 1.
7. Эберхард, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1898 – 1989 гг. / П. Эберхард. – Менск : Беларускі фонд Сораса, 1997. – 282 с.
8. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. Викт. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 621 с.
9. Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1927. – S. 18–22.
10. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r. i innych źródeł urzędowych. – T. VIII. Województwo Poleskie. – Warszawa : GUS, 1924.
11. Sleszyński, W. Województwo Poleskie / W. Sleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 336 s.
12. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945 / Janina Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa : Rytm ISP PAN, 2003. – 418 s.

Pashkovich Alena. Rural settlements of the Polesky Voivodeship in the 1920s: administrative-territorial structure, demography structure

The article discusses the administration system, which was built on the village after the joining of Western Belarus to Poland. The main attention is paid to the most common types of rural settlements in the Polesian voivodeship. Based on the results of the census 1919 and 1921, an analysis of the demographic state and the ethnocon confessional structure of rural settlements is carried out.

Key words: *Western Belarus, Polesie voivodeship, demography, rural settlements, polonization.*